

СЛЕД В ЖИЗНИ

«Я

СМЕЮСЬ над старостью. Потому что я знаю — я старым не буду» — так написал Александр Вампилов в одной из записных книжек.

В эти августовские дни ему исполнилось бы пятьдесят лет. Он погиб пятнадцать лет назад, накануне своего 35-летия. Наша съемочная группа побывала в Иркутске летом прошлого года. В первый же день вместе с другом и ровесником Вампилова писателем Валентином Григорьевичем Распутиным мы поехали к месту, где похоронен Александр Валентинович. Увидели кладбище на краю города, простое, тихое кладбище, похожее на тысячи других. На могиле установлен камень необычной формы, привезенный с Байкала, на нем — надпись белыми буквами: «Драматург Александр Вампилов, 1937—1972». Распутин несколько минут молча стоит у могилы друга, потом бережно кладет к подножию камня полевые цветы, которые сорвал по дороге.

Возвращаемся в центр города — снимать Иркутский государственный университет, где учились Вампилов и Распутин. — Я окончил университет в 1959 году, Вампилов — на год позже, — рассказывает Валентин Григорьевич. — И еще до

бы пророча ему литературную судьбу. Отец трагически погиб, так и не увидев сына.

Среди фотографий в основном любительских, сделанных друзьями, есть несколько, где Вампилов — с гитарой в руках. Он хорошо пел, особенно любил романсы на слова Дельвига, ближайшего друга Пушкина. Романс начинается так: «Когда, душа, просилась ты погибнуть или любить, когда желанья и мечты к тебе теснились жить, когда еще я не пил слез из чаши бытия, — зачем тогда, в венке из роз, к теням не отбыл я!»

Мы слушали «Элегию» Дельвига уже в Москве, готовя передачу. Слушали в разном исполнении: проникновенно и грустно пела Обухова, величаво и мощно — Рейзен. Очень хотелось угадать, как пел «Элегию» сам Вампилов, но записи такой, увы, не сохранилось. Хотелось дознаться, почему любил и часто пел он именно этот не часто звучащий романс.

Среди фотографий особенно поразительна одна, сделанная, кажется, с рисунка. Пять силуэтов молодых людей, изображенных точно так же, как декабристы на знаменитой обложке журнала «Полярная звезда». Некий символ, знак. Внимательно всматриваемся в эти лица. Узнали профиль Вампилова, похоже, и профиль Распутина. Быть может, молодые

они и получилось, потому что судьбой Вампилова и стал Байкал.

Среди архивных материалов — и специальный выпуск газеты «Советская молодежь» за 23 сентября 1972 года, посвященный памяти Александра Вампилова. В центре — большая статья Распутина, в ней такие слова: «Мы видели в Вампилове натуру не случайную, не заученную, а исключительно цельную и богатую, созданную чьим-то счастливым даром, видели в нем его естественность, если хотите, даже природность».

Эта природность, незаученность поражают и в Распутине. Вот он стоит на берегу Байкала, камера оператора удаляется от него, фигура становится маленькой, одинокой на фоне безбрежного озера, вот-вот растворится в синеве воды, неба, в зелени леса. Когда же оператор берет крупный план писателя, видно, как какой-то своей, особенной жизнью живут его глаза: темные, тревожные, в них затаенная боль, глубокая сосредоточенность, постоянная внутренняя работа, недоступная никому. «Литература повинна за все, что происходит с человеком», — сказал однажды Распутин. Когда разговариваешь с ним, кажется, что эти слова прежде всего он относит к самому себе. И, рассказывая о Вампилове, испытывает чувство вины за судьбу друга.

калитку и поддаться жизненным обстоятельствам, видя жестокость и неразборчивость людей. Такой выбор стоит перед каждым из героев Вампилова. И когда герой остается наедине с этим выбором, тут уж никакой анекдот не поможет, здесь нужно углубляться в нравственные проблемы и понимать Вампилова полностью, что под силу не всякому театру.

Слушая Распутина, я подумала, что все герои Вампилова молоды, как и их автор. Вампилов удивительно тонко умеет писать юность, чистоту, романтику... А Распутин прекрасно изображает старость. Как-то он обронил: «Я хотел бы быть стариком»...

— Особенно много спорят о пьесе «Утиная охота», — наша беседа на берегу Байкала продолжается. — В частности, о центральном образе пьесы, образе Зилова. Что это за человек, на ваш взгляд?

— Мне кажется, — говорит Валентин Григорьевич, — что театру меньше всего удалось распознать и показать ту опасность, которую несет в себе Зилов. Зилов подкупает. Он циник, но он приятный циник. В нем есть откровенность, правдивость, в нем виден талант, талант человека. И в том окружении, в котором существует Зилов, он самый привлекательный человек. Эта приятность и сбивает с толку и зрителей, и критиков. Есть критики, которые считают, что возрождение человека начнется с таких, как Зилов, потому что человек, дошедший до края нравственной пропасти, как бы очищается. Многие и увидели в образе Зилова это очищение, перерождение в лучшую сторону. Но едва ли такое перерождение может случиться. Ведь после того, что произошло с Зиловым, он все-таки отправляется на охоту с Димой! И если в начале пьесы он еще не встал на одну доску с ним, доску духовную, нравственную, то к концу пьесы он гораздо ближе к Диме. Гораздо ближе. Почему же мы, зрители, не хотим понимать ту опасность, которую несет в себе Зилов? Да потому что Зилов — это мы сами! И то, что произошло с Зиловым, происходит со многими из нас. В каждом из нас могут быть определенные таланты, мы можем быть откровенными. И точно так же мы поступаем многими нравственными и духовными устоями и катимся по той лестнице, которую нам подставляют. Ведь катиться по ней гораздо проще и легче, чем сопротивляться этому движению вниз.

Есть такое понятие — пульс. У Зилова очень хороший человеческий пульс, этим он и привлекает. Но у Зилова нет гражданского пульса. В свое время он не смог понять разницу между добром и злом, потом вообще отказался проводить между ними границу. В этом, как мне кажется, Вампилов и видит причину падения Зилова.

— Многие критики пишут о «загадке» Вампилова... Что, на ваш взгляд, все-таки главное в его личности?

— Загадка Вампилова, очевидно, в том и состоит, что везде и повсюду он — добрый драматург, добрый писатель. Он проповедует добро. А ведь добро показывать не так-то просто. Легче показать зло, сыграть зло легче, нежели показать и сыграть добро... Потому что добро в своих испостасях очень неуверенно и не очень определенно. И, очевидно, для того, чтобы показать добро, сыграть добро, надо по сути своей быть добрым человеком...

Когда мы возвращались в Москву, образы Иркутска, Байкала, всего виденного и слышанного продолжали идти как бы вслед за нами. Память выхватывала из этой череды наиболее яркие картинки — кадры нашей будущей передачи. Вот могила Вампилова, увенчанная одиноким байкальским камнем. Вот Распутин на берегу Байкала — прямой и высокий. Вот Вампилов на фотографии... Кажется, он даже внешне похож: легкие, подтянутые, темноволосые, с чуть раскосыми темными глазами.

«Жизнь, не подтвержденная смыслом души, есть существование случайное», — считает Валентин Распутин. У Вампилова в записных книжках есть такая запись: «Первая любовь — это не первая, не вторая и не последняя. Это та любовь, в которую мы больше всего вложили самих себя, душу, когда душа у нас еще была».

Двое молодых людей, родившихся в глубине Сибири. Их юность прошла в Иркутске; и у того, и у другого было обостренное чувство гражданской ответственности за все, что происходит вокруг; оба работали в традициях русской классической литературы, продолжая и развивая эти прекрасные традиции.

Распутин назвал одну из своих недавних книг «Век живи — век люби», объясняя название тем, что именно сегодня так не хватает людям любви, понимания, терпимости. Валентин Распутин, Александр Вампилов — «единый молодости знак»...

Татьяна ЗЕМСКОВА

ЕДИНЫЙ МОЛОДОСТИ ЗНАК

К 50-летию со дня рождения Александра Вампилова

окончания университета и я, и он работали в редакции газеты «Советская молодежь». Он ведь сначала писал рассказы, и первая его книжка «Стечение обстоятельств» вышла под псевдонимом. Он как бы не доверял еще себе, интуитивно считая это не главным делом. А пьесы, уже самые первые, подписывал своим именем.

Но сейчас, по прошествии многих лет, можно говорить, что это — проза, и проза неплохая, серьезная проза, будь то юмористические рассказы или очерки. По некоторым рассказам видно, что он учился у Чехова. Письмо Вампилова — чистое, светлое. В него погружаешься, как в теплую воду, и чувствуешь себя великолепно.

К университету примыкает невысокое уютное здание библиотеки, окруженное деревьями.

— Тогда было принято ходить в библиотеку, — продолжает Распутин. — Денно и ночью просиживали в библиотеке, с лекций сбегали. Основное общение было там: знакомились, влюблялись, записки пересылали... Это было место для встреч, и разговоры велись неплохие, умные разговоры. Мы действительно жили как бы одной семьей.

— Легко ли было дружить с Вампиловым?

— С одной стороны — легко, — говорит Распутин. — Казалось, что он дополняет тебя. То, что ты мог рассказать самому себе, нужно было рассказывать и Вампилову. С ним нужно было быть предельно искренним, откровенным, никогда ничего не утаивать. А то, что говорил он, казалось необходимым тебе, именно этого и не хватало в собственных рассуждениях, в откровениях с самим собой. Да, дружить с ним было легко и в то же время трудно, потому что другу этому нужно было соответствовать.

Распутин провел нас в Восточно-Сибирское книжное издательство, где готовились к печати книга пьес Вампилова и книга воспоминаний о нем. Оператор снимает ранние фотографии Вампилова — молодого, веселого, с открытой белозубой улыбкой, освещающей все лицо.

Распутин рассказывает, что отец Вампилова был бурятский учитель, самозабвенно любивший русскую литературу. Вампилов родился в 1937 году, когда отмечалось столетие со дня смерти Пушкина, и отец назвал сына Александром, как

студенты Иркутского университета, выросшие в городе, ставшем частью судьбы декабристов, предчувствовали и свое высокое предназначение, свою особую судьбу?..

«Зачем вы начертались так на памяти моей, единый молодости знак, вы, песни прошлых дней!» — это продолжение «Элегии» Дельвига.

Едем с Валентином Григорьевичем на озеро Байкал. Снимаем место, где утонул Вампилов.

— Как все-таки он погиб, случайно?

— Вампилов с товарищем поплыли на рыбалку, — отвечает Распутин. — Вышли на Байкал, а там вал... Повернули обратно. И тут лодка наткнулась на топляк и перевернулась. Осталось доплыть два метра до берега, совсем ничего! Товарищ, с которым они плыли, держался за лодку, а Вампилов хорошо плавал, погреб к берегу. Ему показалось, что он уже встал на твердое дно, и он, видимо, сделал последний рывок перед тем, как уйти под воду. Сердце не выдержало. Как сказать — случайно или не случайно? В каждой случайности есть закономерность...

Распутин замолкает, смотрит вниз, в байкальскую воду. Кажется, слушает голос Вампилова.

«Я горько долы и леса и милый взгляд забыл, — зачем же ваши голоса мне слух мой сохранил...»

Когда стоишь на высоком берегу, вода Байкала манит, завораживает. Цвет воды меняется постоянно: вода то серая, почти свинцовая, потом вдруг зеленеет, а в середине озера — темно-синяя, почти лиловая. Мы долго стоим у края берега, до которого так и не доплыл Вампилов, — здесь вода необыкновенно прозрачная, виден цвет каждого камушка.

— Вампилов не мог без Байкала, — вспоминает Распутин. — Он часто приезжал сюда, один или с товарищами. Приезжал на рыбалку, приезжал просто отдохнуть, набраться сил, посидеть, подумать. Не однажды и мы с ним бывали здесь, приезжали поработать, даже жили вместе в одной комнате. Он писал тогда «Утиную охоту», я — «Последний срок». И в одной комнате мы не мешали друг другу. Нам казалось, что этому помогал Байкал. Вампилов любил Байкал, и это была какая-то особая любовь, последняя любовь, любовь-судьба. В конце концов так

— Мы понимали прекрасно, кто такой Александр Вампилов, и он, разумеется, это понимал. Мы знали, что он — драматург, каких мало. Он считал, что придет такое время, когда его будут ставить везде, и говорил об этом не стесняясь, потому что отдавал отчет в том, что он есть и что за работу делает. То есть он родился драматургом. Сейчас говорят, что чувство театра было развито в Вампилове чрезвычайно. Разумеется, так оно и было. И когда сегодня задумываются, почему же ему недодано должного при жизни, говорят, что, как всякий талант, он нес в себе принципиально новое. И это принципиально новое не каждому из нас суждено распознать.

У Вампилова была, конечно, трудная судьба, да она и не могла быть легкой. Он в немалой степени надорвался, борясь за то, чтобы пьесы его нашли дорогу к зрителю.

Валентин Григорьевич заговорил о театре, и я задаю вопрос, какие театральные постановки Вампилова кажутся писателю наиболее удачными.

— Мне кажется, что театр не смог пока еще постигнуть Вампилова, не смог раскрыть его полностью. Мне приходится смотреть несколько постановок и в столичных, и в провинциальных театрах. И, пожалуй, лишь с одной из них я могу согласиться. Это — «Прошлым летом в Чулимске» в Московском театре имени М. Н. Ермоловой. Наверное, именно так представлял эту пьесу и сам Вампилов.

Мне кажется, ставить Вампилова очень непросто, хотя он прекрасно знал и чувствовал театр. Как будто пьесы Вампилова легко играть, и это подкупает театр. Легко играть, потому что в них есть фантазмагория, есть фарс, есть анекдот... Но все это быстро кончается, и наступает момент, когда герой остается наедине со своим нравственным выбором. Или — или... Или остаться порядочным человеком, или получить диплом, как это было с Колесовым в «Прощании с юноей». Или все-таки вернуться к своему нормальному состоянию, к нравственному состоянию, в котором должен существовать человек, или и дальше идти дорогой цинизма, как это случилось с Зиловым в «Утиной охоте». Или продолжать ремонтировать калитку, как делает это Валентин в пьесе «Прошлым летом в Чулимске», или бросить эту